

Лу Чжися была в замешательстве и немного раздражена:

— Шэнь Ваньцин, ты сама сказала, что хочешь, а теперь отталкиваешь меня!

Шэнь Ваньцин лежала на боку, опираясь на руку, ладонь которой поддерживала голову.

— Я даю тебе, но ты должна сама взять.

Лу Чжися, как нормальная альфа, была раздражена после всей этой игры:

— Я делаю прелюдию, чтобы тебе было приятнее.

— Между нами прелюдия не подходит. — Голос Шэнь Ваньцин теперь звучал слишком холодно.

— Мы не пара, ты не можешь меня целовать.

Лу Чжися вспыхнула, недовольная:

— Ты забрала мой первый поцелуй, а я даже слова не сказала!

— Ах, первый поцелуй. — Шэнь Ваньцин равнодушно повторила.

Лу Чжися бросилась вперед, но Шэнь Ваньцин перевернулась и сошла с кровати, опустившись на одно колено. Она подняла руку и погладила Лу Чжися по голове, словно собаку:

— Если хочешь инициативу, ты должна ее заслужить.

Лу Чжися резко встала, как хищник, бросилась вперед и обхватила Шэнь Ваньцин.

Они упали назад, Лу Чжися перевернулась и первой коснулась пола. Боль стала стимулом.

Не дожидаясь, пока Шэнь Ваньцин опомнится, Лу Чжися вскочила и прижала ее к пушистому ковру, наклонившись:

— Ты действительно меня разозлила.

— Правда? — голос Шэнь Ваньцин звучал легко. — Тогда мне страшно.

— ...

Лу Чжися не собиралась тратить время на споры. Она решила действовать жестко и сорвала пояс с халата Шэнь Ваньцин.

Халат расстегнулся, и в темноте обнажилась кожа, белая, как свет, с мягким сиянием.

Лу Чжися не обращала внимания на красоту, быстро связала запястья Шэнь Ваньцин и бросила предупреждение:

— Я не люблю играть в темную. Ты сегодня меня вывела из себя, и раз ты так этого хочешь, я сделаю так, чтобы ты никогда не забыла, как я с тобой обошлась.

Шэнь Ваньцин лежала, линии ее тела были полностью видны.

Лу Чжися намеренно отвернулась:

— Скажи своему волкодаву, чтобы он был поумнее, а не просто дураком.

Она не видела, как Шэнь Ваньцин улыбалась, губы ее слегка приподнялись.

Лу Чжися с удовлетворением смотрела на свое творение, довольная:

— Теперь ты не вырвешься, да?

В словаре Шэнь Ваньцин, казалось, не было слова «паника». Она лежала, лениво говоря:

— Когда ты начнешь? Мне уже холодно.

Лу Чжися была действительно раздражена. Она бросила Шэнь Ваньцин на кровать и сама забралась на нее.

— Сегодня я очень недовольна, и ты тоже не получишь удовольствия.

В крошечной тьме, сбросив халат, она была безупречна, как белый нефрит.

Даже Лу Чжися, несмотря на смущение, не могла не смотреть, продолжая болтать:

— Ты такая белая, даже белее молока.

Шэнь Ваньцин впервые услышала такую похвалу. Обычно говорили «кожа, как нефрит» или

«ледяная кожа», а она сравнила ее с молоком.

— Ты любишь молоко? — спросила Шэнь Ваньцин, и Лу Чжися натянула на нее халат. — Для твоего же блага, лучше молчи.

— Я... мм.

Рот Шэнь Ваньцин был закрыт ладонью Лу Чжися.

— Ты раздражаешь меня своими словами. Если ты действительно меня выведешь из себя, я тебя замучаю.

Она говорила зло, грубо завязав рукава халата на ее рту бантиком.

— Твой бантик ужасен. — Так оценила Шэнь Ваньцин.

Лу Чжися натянула на нее халат и прижала:

— Ты действительно мастер на слова, которые я не хочу слышать.

Лу Чжися без всякой прелюдии сразу перешла к последней железе.

Она была в гневе и действовала без церемоний.

Это был ее первый опыт, и он был странным.

Это было тепло, не похожее ни на что другое, сильнее, чем вода в ванной, но мягче, чем полуденное солнце.

Слово «сосание» ассоциировалось у Лу Чжися с детством, когда соседская корова родила теленка, и тот пытался сосать все, что приближалось, в поисках молока.

Лу Чжися высунула язык, и теленок начал с удовольствием сосать, но молока не было.

Это было сильное всасывание, от которого невозможно было оторваться.

Дыхание Шэнь Ваньцин изменилось, оно стало тяжелее, уже не таким спокойным, как раньше.

— Ты сама сказала не делать прелюдию. — Лу Чжися говорила с детской дерзостью, движения

ее были далеки от нежности, язык был покрыт сладостью, она словно играла. — Поэтому я не буду легко ставить тебе метку, если ты не попросишь.

Шэнь Ваньцин внезапно подняла ногу и пнула ее.

Лу Чжися, не ожидавшая этого, чуть не упала с кровати:

— Ты мне напомнила.

И она связала ноги Шэнь Ваньцин своим полотенцем.

Ночь была темной, и они были обнажены, но в темноте ничего не было видно.

Лу Чжися не оставила без внимания ни одну железу, делая то, что Шэнь Ваньцин запрещала.

Она не только делала, но и говорила:

— Я попробую, есть ли вкус молока. — Она, как ребенок, ищущий еду, дразнила соски, заставляя Шэнь Ваньцин дрожать.

— Нет вкуса молока. — Лу Чжися слышала, что у элитных омег больше желез, чем у обычных.

Но у элитных омег количество желез тоже разное, максимум — шесть: уши, грудь, язык и последняя железа.

У Шэнь Ваньцин все шесть мест имели разный вкус, и, судя по реакции, у нее было больше всего желез.

Лу Чжися с любопытством приблизилась и понюхала, удивленно спросив:

— Но почему ты не выделяешь феромоны? — Она могла почувствовать свой аромат серой амбры, но не уловила запах Шэнь Ваньцин.

Это доказывало, что железы Шэнь Ваньцин еще не пробудились.

Каждый раз, когда Лу Чжися играла с последней железой, дыхание Шэнь Ваньцин становилось тяжелее.

Лу Чжися списала это на свою неопытность, хотя она и не собиралась ставить метку, а просто хотела досадить.

Первый раз, конечно, был без опыта, и после долгих игр она вдруг вспомнила, что не подстригла ногти.

Она сняла халат с рта Шэнь Ваньцин:

— Тебе больно?

Как только она это сказала, Шэнь Ваньцин подняла руки, обхватила ее шею и перевернула.

Лоб Шэнь Ваньцин коснулся ее, дыхание было тяжелым и быстрым:

— Собачка, ты так лаешь, но ничего не делаешь.

Лу Чжися покраснела:

— Я... мм.

Это был французский поцелуй, и для Лу Чжися он тоже был первым.

Ощущение было таким, будто из нее вытянули костный мозг.

Лу Чжися чуть не задохнулась, и Шэнь Ваньцин ударила ее лбом:

— Дыши.

Она словно вернулась к жизни, тяжело дыша, и только тогда поняла, что потеряла инициативу.

Лу Чжися обняла ее за талию и оттолкнула в сторону, сама перевернувшись.

Они снова оказались в прежнем положении, но теперь сила Шэнь Ваньцин была меньше, и Лу Чжися снова взяла верх, с ухмылкой сказав:

— Я делаю «дело», ты не ревнуешь?

Она подчеркнула слово, и Лу Чжися заинтересовалась, желание победить усилилось.

Лу Чжися действительно не сдерживалась, жестко обращаясь с каждой железой, не забывая и о словах.

Много желез и сложность их пробуждения привели к тому, что, закончив издеваться, Лу Чжися сама устала, слишком много сил было потрачено за ночь.

Что хуже, ее железа начала пробуждаться.

Усердный язык Лу Чжися постепенно устал, и она, наконец, остановилась, упав на нее без сил.

В воздухе наконец появился легкий аромат, освежающий, как весенний ветер.

К сожалению, Лу Чжися уже видела сны, сознание улетело далеко.

Шэнь Ваньцин вся горела, слегка дрожа.

Она спокойно лежала некоторое время, затем медленно развязала руки и положила их на живот Лу Чжися.

Щеки Лу Чжися горели, дыхание было тяжелым. Шэнь Ваньцин медленно села, вспомнив что-то, и проверила.

Действительно, железа пробудилась.

Она слегка коснулась ее, и Лу Чжися крикнула, свернувшись калачиком.

Шэнь Ваньцин повернулась и зажгла свет на прикроватной тумбочке. Она прислонилась к изголовью, в теплом свете долго смотрела на лицо Лу Чжися.

Лу Чжися крепко спала, брови нахмурены, уголки глаз покраснели.

Шэнь Ваньцин смотрела, и на ее лице появилась легкая улыбка. Она погладила ее по лицу, встала и ушла.

Этой ночью Лу Чжися спала крепко, а когда проснулась, в комнате была одна.

Она лежала, пытаясь сообразить, что произошло, затем быстро села, залезла под одеяло и проверила последнюю железу — она все еще была активна...

Эта бесстыдница, Лу Чжися, не обращая внимания на остальное, быстро натянула худи.